

Существуют произведения, которые известны всем, известны даже тем, кто не читал их. К числу таких книг, получавших всемирную известность, относится роман Ф. Верфеля "Сорок дней Муса — дага".

В основе этого произведения лежат исторические события, художественно претворенные писателем, события, которые в начале XX столетия потрясли мир.

Поднимая постепенно конкретно — историческую тему произведения на уровень общечеловеческого значения, писатель рассматривает все совершившееся как один из великих драматических эпизодов в исторических судьбах человечества. "Человечество, познавшее свое бесчестие и осознающее свой долг искупления, должно бы превратить позорный рубеж Кавказа в памятное место для всей земли, потому что здесь было совершено самое кровавое из всех убийств. Желание изгладить этот позор и отвращение проклявших войну должны объединиться и побудить к паломничеству в Кемах.¹ Там полонники должны пережить в душе своей, чем был 1915 год, прислушаться к глубокой могиле в пропасти и, воскресив в себе этот непостижимый, но все — таки совершившийся ужас, проникнуться всеми фибрами души решимостью борьбы против отравленного сознания допустившего все это", — писал Генрих Фирбюхер, очевидец геноцида армян²

Жестокое обращение с армянским народом стало одной из самых мрачных страниц истории турецкого варварства.

Гуманистическая литература всегда чутко реагировала на всякое попираание человеческого достоинства. Боль за человека сочеталась в ней с острым социально — психологическим анализом нарушения норм

¹ Ущелье Кемах находится между Эрзинджаном и Сивасом, где в июне 1915 года после неопускаемых страданий были сброшены с головокружительной высоты десятки тысяч живых женщин и детей.

² Германские источники о геноциде армян, под ред. С. С. Степаняна, Ереван, 1991г., с. 138.

человечности. Она осуждала невиданные как по своим масштабам, так и по бесчеловечности кровавые злодеяния XX века, включавшие дикое насилие и зверства над тысячами и тысячами мужчин и женщин, стариков и детей, варварские убийства. История войн всех времен и народов не знала примеров столь жестоких и массовых преступлений.

Известная книга австрийского писателя Ф. Верфеля "Сорок дней Мусадга", заклеившая геноцид армян, была написана с целью предостережения человечества от новых актов геноцида. Она стала предупреждением миру о той злой силе, которая рождалась в начале XX века.

Действие книги начинается на стыке двух этапов в жизни героев, когда рушится привычный ее уклад и начинает складываться новый, неизвестный, когда народ мечется в ожидании страшных перемен, когда обострены его чувства и мысли, когда его прежняя жизнь подвергается суровой переоценке.

Армяне, преодолевая растерянность и чувство беспомощности перед самоуверенностью и наглостью турецких угнетателей, находят в себе силы, чтобы сделать самые трудные и первые шаги к активной борьбе.

Народ поднимается на гору, чтобы не отдать на растерзание врагу тысячи и тысячи людей. И это решение подобно другим героическим историям, порожденным в военные времена, свидетельствует о невиданных пределах человеческого духа.

События в романе показывают, что в непримиримой схватке двух противоположных миров — светлого сопротивляющегося мира христиан-армян и подлого, бесчеловечного мира турок, отравленного пошлой психологией пантюркизма, победила стойкость и любовь к жизни.

Если описание армян дается с романтической приподнятостью или лирической задушевностью, то в изображении турецких палачей Верфель вложил презрение и ненависть к ним. На это направлены все выразительные средства. И это не случайно. Вся турецкая политика воспринимается армянским населением как тягостный кошмар.

Изображая врагов армянского народа, Верфель вызывает органическое презрение и отвращение к преступлениям, а не ужас перед ним. Враги —

существа низшего типа, люди циничные и жестокие. Писатель сумел показать, какой страшной силой становятся обманутые варварской политикой чиновники, военные, полицейские, отученные самостоятельно мыслить и воспитанные в духе ненависти к другим народам. Прислужники младотурецкой политики усиливают впечатление бесчеловечности, жестокости.

В романе сильно звучит мотив враждебности к армянскому народу, которая проявляется в условиях войны с вызванными ею неразберихой, неизвестностью.

В Турции с шовинизмом справиться было труднее. У него большая предыстория и глубокие корни, которые надо искать не только в политике, но и в психологии людей.

В романе "Сорок дней Муса-дага" сатира выражает непримиримо-отрицательное отношение писателя к событиям в Османской империи. "Сатира, как одна из самых ярких выражений общественного беспокойства, тревоги, острого ощущения неблагополучия окружающей действительности, является одной из наиболее отчетливых форм идейного протеста против этой действительности".¹ Изображая врагов армянского народа сатирически, Верфель удается до читателя важные мысли о социальной несправедливости, царящей в мусульманской стране. Писатель стремится делать типологию сатирических образов, показать своеобразие их связей с реальной действительностью, увидеть за комичными событиями живой ход турецкой истории с ее трагическими и комическими коллизиями. Для того, чтобы разобраться в сущности пантюркизма, писатель вправе был наблюдать какую-либо фигуру, которая внешне никакими исключениями особенностями не отличалась. Он рассматривает фигуры главных проповедников этой идеологии и фанатичных приверженцев их идей. Благодаря таким сценам Талаат становится зримым, яснее видишь, чего стоит это "сверхчеловеческое" зверье. Писатель рисует внешний облик преступника. Его философию, его убеждения Верфель рассказывает в

¹ Тронская М. А. Немецкая сатира эпохи Просвещения. Л., 1962, с. 3—4.

дискуссии с Лепсиусом, который с осуждением смотрит на деятельность этого идеолога. "Ваше превосходительство, вы хотите основать новую империю. Но под фундаментом ее будет лежать труп армянского народа", — говорит Лепсиус.¹

Представители двух разных миров, морали человеконенавистнической и морали гуманной, вступают в борьбу. О палачах писатель пишет с ненавистью. Облик их легко запоминается благодаря детали, нередко отдельному эпитету или определению, имеющим явно сатирическое звучание. Говоря о Энвере паше, Верфель отмечает, что "... мал ростом и так невзрачен. Шитый золотом мундир (то ли маршалский, то ли собственного фасона) изумительного покроя сшит по талии, сидит как влитой и в сочетании с двумя рядами сверкающих орденов придает Энверу легкомысленно — моложавый и элегантно — задорный вид. По лицу судя, Энвер паша не то застенчив, не то робок, он по — девичьи вскидывает глаза. Узкобедрый, с покатыми плечами, он движется легко, даже изящно".² Описывая генерала, писатель отмечает, что его внешний вид не соответствует его духовному облику.

Автор раскрывает в Энвере то, что невозможно было в нем оправдать и в конце концов обесславило его имя. Это самонадеянный и упоенный своим величием человек. Верфель осуждает в нем индивидуализм, жажду славы. И напрасно к нему обращается Иоганнес Лепсиус прекратить армянскую резню.

Поэтому, как пишет писатель — гуманист — пастору Иоганнесу Лепсиусу открывается истина: "Мне остается только одно — молиться".³

Сатирически описан и портрет Талаат бея. "Для громоздкой фигуры министра кабинет слишком мал. Когда этот богатырь встает из — за стола — вот как сейчас, — он заслоняет собой все окно. Крупная голова Талаата на висках седая. Восточного склада лицо, мясистые губы, черные как смоль усики.

¹ Верфель Фр. — Сорок дней Муса — дара: Ер., 1988, с. 119. Franz Werfel, Die vierzig Tage des Musa — Dagh, Frankfurt am Main 1996, s. 165.

² Там же, с. 111 — 112 — (оригинал), s. 154 — 155.

³ Там же, с. 127. — (оригинал) s. 176.

Уголки стоячего воротника сжимают тяжелый подбородок. Выпирающее брюшко обтянуто пикейным жилетом, белизна которого, должно быть, символизирует чистосердечие. Когда Талаат бей встречается со своими соратниками по дуумвирату, у него неизменно возникает потребность своей могучей медвежьей лапой отечески погладить по плечу этого юного баловня судьбы (Энвера)".¹ Талаат подвергается уничтожающему разоблачению, потому что он избрал для себя преступную роль палача народа. Историческими, государственными интересами он оправдывал убийство, расстрелы армян, свои коварные планы.

В романе много эпизодических отрицательных персонажей. Они хорошо запоминаются своими недобрыми действиями и мыслями, стараниями и неприятной внешностью.

Мы запоминаем, например, "молодого еще человека, рыжеватого, в веснушках", "тщательно ухоженные ногти", "воспаленные глаза с редкими, как у всех рыжих людей, ресницами", "седобородого полковника с маленькими глазками и детскими пунцовыми щечками", турецких жандармов (заптий) и солдат, перепуганных сопротивлением небольшого числа армян.

Главным средством раскрытия сатирического образа становится не авторское суждение о герое, а изображение героя, данное как бы со стороны. Позиция автора проявляется не в прямой оценке героя, а в том насколько автор, поставив своего героя в определенную ситуацию сумел заставить его раскрыться во всей его неприглядной сущности. Автор отступая как бы на второй план, выставляет своих сатирических персонажей на осмеяние, он, как правило, не комментирует их поступки, а разоблачает через нелепость их поступков, то есть не столько рассказывает, сколько показывает.

Страницы, рассказывающие о каймакаме (начальнике провинции), звучат как отвращение, едкая насмешка, разоблачающая этого представителя "турецкой крови", презрение автора к нему. "Его тяжелое тело съехало на

¹ Там же, с. 123. — (оригинал) s. 171.

землю. Казалось, он вот-вот потеряет сознание. Из чернеющих губ вырывались одни и те же слова: — Это конец... "1.

Описывая Джемаль пашу, Верфель обнажает и осуждает социальную и нравственную сущность этого хищника, пантюркизма в целом, и отвечает на вопрос, что вызывает озверение человека, какая сила толкает его для принятия таких мер против народа, защищающего свое достоинство и жизнь. Поэтому в его описании, мы замечаем насмешливое отношение писателя к нему. "Кособокий Джемаль остановился перед каймаком, чья грузно-рыхлая фигура немного возвышалась над ним.

Окаймленные черной бородой толстые губы Джемаль шевелились и шипели"². Верфель указывает на бесчеловечную его роль в жизни страны. Пекущийся о благе Турецкой империи, генерал исполнял роль грабителя и убийцы.

Если в одной из сцен Верфель сравнивает Джемаль со змеей, то в другой сцене писатель вместо руки видит лапу хищника. "Приземистый Джемаль подошел к великану Осману и так хлопнул лапицей по его груди, что ходячая выставка оружия загремела и зазвенела."³ Писатель смеется над охраной генерала. "Осман ослабил. Каймакам тоже поспешил изобразить кисло-сладкую улыбку."⁴ Писатель показывает безразличие Османа ко всему, кроме своего генерала.

Для младотурецких прислужников убийство — профессия, война — средство обогащения. Для армянского человека война противоестественна, противоречит его чистому духовному миру, и он ведет ее в силу необходимости. Характеры врагов армянского народа вполне типичны и реальны и предстают живым воплощением тех событий. Описывая их, Верфель стремится не только к сатирическому осмыслению отдельных явлений действительности, но и к осмеянию самой сущности турецкого государства. Остро воспринятая им уродливость, абсурдность межчеловеческих отно-

¹ Там же, с. 655.-(оригинал) s. 935.

² Там же, с. 555.-(оригинал) s. 790.

³ Там же, с. 555.-(оригинал) s. 935.

⁴ Там же, с. 655.-(оригинал) s. 935.

шений, установленных в турецкой общественно — политической жизни начала XX века, показаны сатирически. А враги становятся носителями отвратительных и страшных черт этой системы, образы которых символизируют этот порядок с культом жестокости, уничтожения и грубой силы. Демонстрируя ненормальность того, что считалось для них нормой, враги обнаруживают свое бессилие перед армянскими защитниками, страх, и с помощью отвратительных поступков хотят подавить волю армян к спасению.

Особенно ярко в романе выделяются сатирические ситуации, сатирическое звучание которых усиливается, когда на них падает акцент: "Добродушный старичок бинбаши с розовыми младенческими щечками надел очки, хотя читать, собственно, было нечего, — возможно этим своим жестом он намеревался подчеркнуть, что среди присутствующих он самый дальновидный и мудрый".¹

Создавая сатирические образы, Верфель ограничивался такими словами, функция которых сводилась лишь к тому, чтобы придать фону, на котором показаны его персонажи, иронический оттенок, благодаря удачно найденным средствам сатирического заострения образов. "Каймакам, сидевший до сих пор молча, подперев голову рукой, углубился в карту Оттоманской империи, лежавшую на столе, хотя масштаб событий вовсе не соответствовал тому, что на ней было обозначено".² В ироничной манере автор передает убожество чувств и представлений своих персонажей, которые передают трагизм турецкой действительности.

"Один из взводных командиров разгромленной роты, единственный мюлязим, переживший сражение четвертого августа, предстал перед совещанием с рапортом. Невозможно было упрекнуть его в том, что он, чтобы оправдать случившееся, расписывал силы армян в самых невероятных красках. Десять — нет, двенадцать тысяч армян попрятались в неприступных

¹ Там же, с. 288 — 289. — (оригинал) s. 401.

² Там же, с. 28. — (оригинал) s. 399.

бастионах на высотах Муса-дага".¹ Верфель показывает трусость, боязливость этого командира, которая заставляет его трепетать перед воображаемой силой. "Таким образом, сатира пользуясь оружием смеха, выступает великим посредником в деле отличения истины от лжи".²

Через внешность проявляется и сущность врагов армянского народа. "Внешность капитана была приметная: у него были разные глаза. Правый глаз — выпученный и неподвижный, левый — маленький и наполовину заплывший. Как ни воинственно топорщились фельдфебельские усы, как ни свирепо выпячивал подбородок этот полицейский начальник, он был обречен путать людей своей смешной внешностью и потешать их своим грозным видом".³

В образе капитана Верфель дает пародию на "истинных турков". Писатель показывает дутую воинственность его, за которой скрывается лицо хищника.

Разоблачая младотурецкую политику, писатель не только увидел в нем страшную темную силу, способную принести армянскому народу много бедствий, но и его слабость. "Его вздутый живот при каждом вздохе чуть не отодвигал огромный стол. Дряблые, гладко выбритые щеки нависали над широким вырезом воротника, феска съехала на левый висок — явный признак того, что каймакам сердит и хочет спать".⁴

Действия администрации Османской империи проникнуты анти-армянским духом, которым руководствуются снизу доверху. Рядовые служители этой империи ничем не отличаются от своих начальников. "Доблестные воины, распространяя крепкий запах пота, взяли штурмом лестницу на второй этаж".⁵ Верфель подчеркнул даже старания одного из

¹ Там же, с. 28. — (оригинал) s. 399.

² Кобзарева Л. В. Опыт анализа сатирического произведения на лекциях и практических занятиях по зарубежной литературе. Свердловск., 1976, с. 22.

³ Верфель Фр. — Сорок дней Муса-дага: Ep., 1988, с. 217. Franz Werfel, Die vierzig Tage des Musa-Dagh, Frankfurt am Main 1996, s. 299.

⁴ Там же, с. 287. — (оригинал) s. 398 — 399.

⁵ Там же, с. 231. — (оригинал) s. 318.

Пелтиев. "Некий особенно усердный заптий бросился на застланную кровать и зубами разорвал шелковую наволочку".¹

Писателю — гуманисту, страстно защищавшему достоинства человеческого разума, были отвратительны солдаты, слепо подчиняющиеся приказам сверху.

Верфель в своей сатире высмеивал прислужников, палачей и своим острым словом наносил осуждающие удары по бесчеловечной политике насильников, грозящих человечеству. Писатель с помощью юмора выразил глубокий внутренний трагизм жизни в Турции и свою тоску по совершенному устройству человеческого общества.

Հայ ժողովրդի թշնամիների երգիծական պատկերումը
Ֆրանց Վերֆելի «Մուսա լեռան քառասուն օր» վեպում

Մ. Ս. Առուստամյան
ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ավարիացի գրող Ֆրանց Վերֆելը մեծ եղեռնի զոհերի հիշատակին գրական հուշարձան դարձած «Մուսա լեռան քառասուն օր» վեպով մերկացրել է մարդկության դահիջների և նրանց արյունոտ քաղաքականությունը, հումորի միջոցով արտահայտել Թուրքիայի ներքին խոր ողբերգությունը:

Երգիծանքով ներկայացնելով հայ ժողովրդի թշնամիներին՝ Վերֆելը կարողացել է ընթերցողին մինչև վերջ հասցնել կարևոր մտքեր մոսուլմանական աշխարհում իշխող սոցիալական անարդարության մասին: Գրողը ձգտել է կատարել կերպարների տիպաբանություն, ցույց տալ իրականության հետ նրանց յուրահատուկ կապերը, զավեշտական իրադարձությունների հետևում տեսնել Թուրքիայի պատմության կենդանի ընթացքը՝ կապված ողբերգական և կոմիկական կոլիցիաների հետ:

¹ Там же, с. 231. — (оригинал) s. 317.

Satirical depiction of the Armenian people's enemies in the novel by F. Verfel
"Forty Days of Musa – Dagħ"

RESUME

The novel "Forty Days of Musa – Dagħ" by the famous Austrian writer Verfel which became the monument to the Genocide, revealed the murderers of the humanity and their bloody philosophy and with the help of humour expressed the deep inner tragedy of life in Turkey.

Depicting the enemies of the Armenian people with satire, Verfel manages to give the readers the important ideas about social injustice, reigning in the Moslem country. The writer tries to make a typology of satirical characters, to show the peculiarity of their connections with reality, to see behind the comic events the real course of events in Turkish History with its tragic and comic clashes.